

Бадмаева Е.Н.
Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста.
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН.

ЖЕНЩИНЫ КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В 1930-х годах советское государство в соответствии с задуманной реформой аграрного сектора решительно проводило масштабную кампанию по проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства, массового раскулачивания и ликвидации кулачества как класса. Данная «инициатива» исходила сверху, ломала вековые традиции крестьянства, коренным образом меняла собственника земли и не учитывала действительные чаяния деревенских тружеников.

Колхозное строительство сопровождалось насильственным принуждением крестьян к вступлению в колхозы, подавлявшееся самым жестоким образом репрессивным государственным аппаратом государства. Под благовидным лозунгом ликвидации кулачества как эксплуататора трудового народа арестовывались и выселялись из обжитых мест миллионы крестьян, объявленные властями «кулаками» или «подкулачниками», в число которых в большинстве случаев попадали ни в чем неповинные хозяйственники – наиболее трудоспособная часть крестьянства, вина которых заключалась в их умении эффективно трудиться на собственной земле. Это их самоотверженным трудом во многом обеспечивались продовольственная безопасность страны, промышленное производство, обороноспособность страны и пополнялись в обмен на производимое крестьянами зерно золотовалютные резервы государства. Естественно, жесткая и порой жестокая аграрная политика, проводимая большевистским руководством, беззаконие и произвол со стороны местных партийных и советских органов, вызывали массовый протест крестьянства и антиколхозные выступления по всей стране. В этом ряду серьезной проблемой для советских властей стали протестные выступления женщин, получившие в исторической науке название «бабьи бунты». Только в 1930 году, как отмечает известный российский историк Н.А.Ивницкий, по далеко неполным данным, учтено более 3700 выступлений, почти исключительно женских по своему составу [1].

Основной причиной активного участия женщин в антиколхозных выступлениях власти считали «истеричность» женской психики, мелкобуржуазные собственнические инстинкты крестьянок. На самом же деле побудительными причинами массовых выступлений женщин в стране были протесты против насильственных действий власти в ходе хлебозаготовок, обобществления домашнего скота, создания колхозов, закрытия церквей и арестов священнослужителей, взимания непомерных налогов и т.д. Из 2897 учтенных женских выступлений первой половины 1930 года – 1154 носили антиколхозный характер, 422 – в защиту раскулаченных, 778 – на религиозной почве и 336 – на почве продовольственных затруднений [2].

Отмеченная общероссийская тенденция была характерна и для Калмыкии. В 1930-1933 гг. в ряде улусов (районов) республики наблюдались десятки выступлений с активным участием женщин. Их массовые выступления являлись крайней формой отчаяния и последним аргументом в борьбе с произволом или бездействием действующей власти. В годы голодного бедствия, как сообщалось в донесениях Калмотдела ОГПУ в областной комитет партии, в связи с продовольственными затруднениями «отмечаются нездоровые явления в очередях среди рабочих и служащих, особенно среди женщин. Эти отрицательные настроения характеризуются такими фактами: «Если пайка не дадите, снег

чистить не пойду. У меня семья голодает», «Кричали, в конце пятилетки все будет, а оказалось хуже, чем при крепостном праве», «Конец нам приходит, с голоду будем умирать» [3].

По мере нарастания голода в ряде улусов увеличивается число массовых протестных выступлений женщин. По сведениям начальника Калмыцкого областного отдела ОГПУ Кишкина П.И. «особенно активны выступления в I-м Икичносовском аймаке (селе) Яшалтинского улуса (района), в Сарпинском улусе и др. [4].

В большинстве случаев крестьянки ограничивались лишь демонстрацией протеста, приводили с собой своих детей и публично выражали свою обеспокоенность за их жизнь и неприятие новой власти, как это было у здания горсовета в г. Элисте. Как сообщали местные власти в марте 1932 года, «женщины привели детей и заявили, что дайте муки, а то наши дети умрут с голода... Расстрелять бы эту местную власть. Мука в с. Дивное лежит в скирдах под открытым небом, ее не возили, а теперь кричат, что в городе голод» [5].

В массовых протестных мероприятиях с участием женщин звучали не только продовольственные требования, но и открыто высказывались антиколхозные лозунги. Так, в одном из донесений ОГПУ, датированном 21 февралем 1932 года, зафиксировано: «На почве продзатруднений в Нем-Хагинском с/с отмечено массовое выступление женщин с требованием хлеба; массовое недовольство женщин, выражавшееся в тенденциях «Растащить имущество колхоза и скот, даже распустить колхоз» [6].

Протестные настроения в связи с непомерными хлебозаготовками и наступившим голодом в регионе наблюдались даже у членов партии. Член ВКП (б) Ковтунова Варвара при посылке ее на участок для работы по засыпке семфонда заявила: «Это неправильно, везде голод и я не могу смотреть, когда обируют крестьян. Мне партия ничего не дает и пусть исключают» [7].

В некоторых случаях протестные выступления женщин давали действенные результаты. Так, например, после массового сбора женщин в I-м Икичносовском аймаке 18 января 1932 года районными организациями было разрешено выдать 100 пудов хлеба для выдачи нуждающимся колхозникам [8].

Женские волнения, носившие зачастую демонстративный, эмоциональный характер, представляли, на взгляд властей, не столь серьезную угрозу устоям государства, нежели вооруженные мужские выступления. Женщинам делались определенные послабления по части уголовного наказания в связи с участием в антиколхозных выступлениях. Как определил Верховный суд РСФСР в своих разъяснениях об ответственности членов крестьянского двора по статье 61 Уголовного Кодекса от 28 марта 1930 года: женщины – «угнетенный и подчиненный элемент в крестьянском дворе» и привлечение их к уголовной ответственности «может иметь место лишь в исключительных случаях» [9]. Поэтому, как показывают архивные документы, женщины подвергались менее суровому наказанию, чем мужчины, им в большинстве случаев удавалось уходить от наказания и репрессий. Но не только гендерно-юридический фактор стал причиной массового участия крестьянок в протестных мероприятиях в первой половине 1930-х годов. Можно также выделить такие специфические факторы, воздействовавшие в том или ином виде на женскую протестную активность в указанный период, как гендерно-психологический, гендерно-этнический, гендерно-демографический, которые, безусловно, следует рассматривать в комплексе и взаимосвязи.

Калмыцкие женщины в большей своей массе, как говорится, нутром не восприняли идеи социалистического переустройства деревни. Осуществляемая властями

коллективизация сельского хозяйства, обобществление частного имущества лишали их традиционного домашнего хозяйства, ведение которого в основном лежало на их плечах, в связи с чем, у них были более развиты собственнические инстинкты. В годы голодного бедствия 1932-1933 годах женщины как матери инстинктивно, самозабвенно и в то же время осознанно бросились на защиту своих детей и домашнего очага. Они понимали, что на алтарь поставлены жизнь их детей, а значит, будущее семьи, своего рода и даже всего этноса.

Женщины-калмычки, как известно, отличались особой набожностью, религиозностью. Буддизм на протяжении многих веков оказывал огромное влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения и развитие национального самосознания. Религиозные параметры для большинства калмыцкого населения, в особенности женщин, в 1930-е годы сохраняли базисное значение в духовной и бытовой жизни, являлись составной частью нравственного и эстетического воспитания. Отсюда и их гневные протесты против закрытия хурулов, ареста священнослужителей, а также растаскивания и уничтожения церковного имущества, предметов культа.

Положение женщины-калмычки в традиционном обществе характеризовалось ее подчиненным положением. В годы коллективизации господствующие в обществе социально-культурные стереотипы в определенной степени мешали вовлечению женщин в социально-политическую сферу. В то же время, стремление сохранить традиции, в том числе, путем создания условий для сохранения и социализации подрастающего поколения, играло для нее немаловажное значение. В трудные годы коллективизации сельского хозяйства, она, презирая опасность, отчаянно боролась за выживание своих детей, сохранение средств к существованию, семьи и домашнего хозяйства. Так было и исторически, когда на смену погибшим в сражениях калмыцким ханам на первые роли выходили их жены и обеспечивали свободу и определенное благополучие своему народу.

Выдвижение на первый план женщины-калмычки в переломные моменты истории, каковым являлось предвоенное десятилетие, связано с нарушением традиционного демографического баланса, а точнее резкого сокращения мужчин молодого возраста в связи с военными сражениями и мобилизационными кампаниями в период Первой мировой, Гражданской войн, уменьшения в целом количественного состава мужского калмыцкого населения в результате политических репрессий, раскулачивания, отходничества. В силу сложившегося демографического перекоса, осознания женщиной своей генетической ответственности как Женщины-Матери, становится вполне понятным усиление процесса социализации женщин, проявление в определенной степени ее лидерской роли в жизни общества. Они понимали, что их интересы, привычный уклад жизни, в какой-то степени мировоззренческие основы подвергаются коренным изменениям, и как могли, сопротивлялись большевистским новациям.

Советские и партийные органы в ответ на женский протест пытались выработать приемлемую линию в работе с крестьянками, привлечь большее число женщин к активному участию в мероприятиях Советской власти. Местным властным структурам предлагалось прекратить насилие, грубость и бесцеремонность в процессе социалистического преобразования деревни, которые являлись основными и ведущими причинами антиколхозного протеста, усилить политическую работу с крестьянками, распространить на них свою идеологическую агитацию. Такая работа под руководством областного комитета партии и комсомола целенаправленно проводилась по всей Калмыцкой степи. Продолжалась работа «красных кибиток», красно-кибиточницы активно участвовали в ликвидации безграмотности, организо-вывали чтение книг,

выставки детской и женской одежды; приучали девушек к кройке и шитью и оказанию медицинской помощи кочующему населению. В 1935 году в республике прошел 1-й областной съезд женской молодежи, призванный активнее вовлекать девушек-калмычек в политическую жизнь деревни через участие в выборах, членство в советах и партии. В Советской Калмыкии были известны имена девушек-активисток: Булгун Дертеевой, Тоси Надбитовой, Нармы Шапшуковой и др.

Вовлечение женщин в сферу общественной деятельности, организационно-хозяйственное укрепление колхозной системы снизило накал негативных настроений крестьянок по отношению к колхозам, которые были особенно сильны на начальных этапах коллективизации сельского хозяйства, в годы голодного бедствия. В последующие годы масштабных акций протеста женского населения в регионе уже не наблюдалось.

Литература:

1. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). –М.: ИРИ РАН, 2000. –С. 201.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 224.
3. НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 46, 227.
4. Там же. Л.209.
5. Там же. Л. 226.
6. НА РК. Ф. Р.-131. Оп. 3. Д. 28. Л. 42.
7. НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 228.
8. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: В 5 т. Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. /Под ред. Данилова В., Маннинг Р., Виолы Л. - М., 2000. –С. 344.